

1

Елена

.....

Если бы я курила, то сейчас у меня изо рта торчала бы сигарета. А то и две.

Но я не курю, поэтому, с трудом отыскивая для своей машинки *Ford Escape* местечко на забитой стоянке, нервно грызу ноготь на большом пальце. Озираюсь, оцениваю благородство камня и кедровых панелей, которыми отделан вход, моргаю от слепящей рекламы. «Милано» — пятизвездочный ресторан, один из лучших в Нэшвилле, столик здесь приходится заказывать за месяц, тем не менее человек, с которым я встречаюсь, умудрился обойти очередь. Это впечатляет.

Я прерывисто вздыхаю.

Кто — нет, ответьте, кто?! — согласится на свидание вслепую в День святого Валентина?

Я, кто же еще.

— Пора перерезать ленточку! — говорю я вслух неизвестно кому.

Мне предстоит свидание с Грегом Циммерманом, ведущим прогноза погоды на канале *NBC* в Нэшвилле.

Предположительно он высокий красивый брюнет, немного занудный, с недавних пор оставшийся без пары. Для меня в самый раз, правда?

Почему же я так ерзаю?

Не откосить ли от свидания, сославшись на головную боль? Ну уж нет, только этого не хватало! Во-первых, я обещала Тоферу, моему соседу, что не струшу; во-вторых, мне все равно больше нечем заняться; и в-третьих, я страшно проголодалась.

Нам предстоит просто быстрый ужин, что бы там ни нес Тофер. Вспоминаю его болтовню и ужимки сегодня в библиотеке: череп на футболке — символ группы *Grateful Dead*, джинсы в облипку, а сам он в этом во всем неуклюже изображает наездника. *Укроти его, как племенного жеребца, Елена! Отпусти поводья, пришпорь его, загони, чтоб наавтра шагу не мог ступить! Заезди, чтобы не выговорил даже свое коронное: «Облачно, возможен снег».*

Я сдуваю со лба непослушный локон и заправляю его за ухо. Не планирую я никого объезжать, вообще никакой возни: вкусно поесть — вот и вся моя цель. Предпочитаю итальянскую кухню, заранее представляю обильную порцию пасты, чесночный хлеб...

Будь умницей: поздоровайся, не груби, наешься до отвала — и сваливай.

И потом, что плохого в том, чтобы с кем-то познакомиться?

Я опускаю зеркало заднего вида и изучаю свое отражение. Бледная как полотно! С трудом нахожу в сумке губную помаду, малюю себе пышные вишневые губы, прикладываю к ним салфетку. С критическим вздохом поправляю на шее ожерелье, проверяю, действительно ли к нему подходят сережки. Если на-

чистоту, во мне нет ничего особенного. Нос островат, рост маловат: пять футов три дюйма с четвертью, это если босиком. Эта самая четвертушка портит мне жизнь: из-за нее я проваливаюсь в расселину между «малышкой» и «стандартным размером», отчего обречена носить либо слишком короткое, либо слишком длинное. Если мне хочется, чтобы вещь хорошо на мне сидела, приходится шить ее самой.

Снова кошусь на себя в зеркало, снова вздыхаю.

Надеюсь, Грег не разочаруется.

Я вылезаю из машины и подхожу к роскошным дубовым дверям. Швейцар в черном с улыбкой открывает мне дверь.

— Добро пожаловать в «Милано», — бормочет он, и я, преодолевая страх, вхожу, шурю, как будто так лучше видно в темноте.

Черт!

От страха по спине бегут мурашки.

Угораздило же меня отказатьсь взглянуть перед встречей на фотографию Грега!

Штука в том, что мне хотелось... сюрприза. Когда влачишь такое скучное, рутинное существование, как мое, то выискиваешь любые способы его подперчить. Долой простой кофе, да здравствует мятный латте! На повестке дня взрыв мозга! Если вечно завязываешь волосы пучком, то наступает момент их распустить — и плевать на последствия. Никаких фотографий, просто иди и ищи парня в синей рубашке. Это казалось вдохновляющей перспективой, вот только сейчас, разглядывая посетителей, я ругаю себя на чем свет стоит. В холле меня никто не встречает. По дороге я отправила ему эсэмэску, что попала в пробку, но ответа не получила. Может, он уже уселся за столик и ждет?

Влюбленную парочку провожают вглубь зала, а на меня никто не обращает внимания, поэтому я нервничаю и поправляю свою узкую прямую юбку. Может, надо было нарядиться во что-нибудь соблазнительнее? У меня в шкафу не помещаются оставшиеся от бабушки облегающие платица...

Дудки!

Я такая, какая есть. Если не понравлюсь, пусть идет куда подальше.

Вот такая я.

Простояв в одиночестве битых пять минут, я чувствую, что у меня взмок затылок. Куда подевалась администраторша? Вышла покурить?

Я сажусь на длинную скамью, достаю телефон и пишу ему новую эсэмэску:

«Я ЗДЕСЬ, В ФОЙЕ».

Ответа опять нет.

Я уже психую, под ложечкой сосет. Сама его отыщу. Изображая уверенность, которой у меня на самом деле ни на грош, покидаю фойе и быстро обхожу ресторан. Уже через пару минут я готова провалиться сквозь землю; мне стыдно тарашиться на посетителей, и я скромно занимаю место в нише рядом с туалетом, чтобы оттуда высматривать мужчин, проводящих День святого Валентина в одиночестве.

Лучше бы Тофер определил мне для этого свидания другой вечер: знает ведь, что у меня дурные ассоциации с этим праздником! На школьных танцах мой ухажер Боб Картер перебрал газированного пунша и заблевал мое белое платье сверху донизу. В колледже у меня был бойфренд со своеобразным представлением о романтическом вечере: верхом его изобретательности было заказать его любимые суши и до одури резаться онлайн в видеоигры с друзьями. Не припомню

ни одного приличного Дня святого Валентина за все мои 26 лет.

Бац! Мой взгляд падает на рослого bruneta в синей рубашке с воротником на пуговицах, с закатанными до локтей рукавами. Он расположился в дальнем углу и сидит там один-одинешенек, упершись взглядом в стену. Вокруг него одни пустые столы — удивительно, как он умудрился уединиться в такой людный вечер. Официант приносит его заказ. Я прикусываю губу.

Как он смеет лопать без меня?

На столе лежит телефон. Нахал! Почему он мне не ответил?

Судя по тому, как он расположился в мягком кожаном кресле, он выше, чем я думала.

Минуточку! Он мне смутно знаком. Так бывает: вроде бы знаешь человека в лицо, но никак не можешь припомнить имя. Мама и тетя Клара никогда не выключают у себя в салоне красоты телевизор, поэтому я вполне могла увидеть его в новостях...

Я достаю из сумочки и надеваю свои узенькие очки в белой оправе. Сердце колотится как оголтелое, в животе уже трепещут бабочки. Вот это да! Нет, не может быть, чтобы это был он. Он... он сногшибательный, не просто красавчик, а бери выше — прямо кинозвезда: зачесанные назад темные волосы — волнистые, непослушные, с бронзовым отливом, шелковые пряди касаются щек — для телеведущего, на мой взгляд, длинноваты, но кто я такая, чтобы судить о мире телевидения? У меня и телевизора-то нет.

Он поднимает руку, чтобы поправить волосы, и я распахиваю глаза: сквозь рубашку видно, какие у него накачанные мышцы — что бицепсы, что грудные. Ну, и плечи — шире не бывает.

Вы бы видели!

Это же он, я не ошиблась?

Я в том самом ресторане, он сидит один, на нем синяя рубашка. Брюнет. Пока что все правильно. Выходит, это и есть тот, с кем у меня назначена встреча.

Красавец поворачивается к окну, нетерпеливо барабанит пальцами по столу, позволяя мне любоваться его профилем. У него длинный прямой нос, темные выгнутые брови, волевой подбородок. Чувственные губы, нижняя соблазнительно пухлее верхней. Я уже улавливаю в его облике сладостную порочность. Такие, как он, приковывают взор, заставляя гадать, не мираж ли это. Я видела похожих парней в университете Нью-Йорка — сексуальных, спортивных, не покидавших спортзал. Вот только я не представляла для них интереса. Я любовалась, как они тренируются, бродя вокруг этих живых механизмов, из-за которых у меня в животе было тесно бабочкам, а в это время высокие гибкие красотки, в отличие от них совсем не потные, снабжали этих парней полотенцами, бутылочками с водой и обещаниями секса.

Этого красавчика, правда, не назовешь массивным, в отличие от тех мускулистых парней с толстыми шеями и багровыми лицами. Он тоже силен, но не избыточно, хотя тело у него, без сомнения, ладное, твердое и...

Елена! Хватит про тело! И так ясно, что он в твоём вкусе. Двигайся дальше.

Грег отхлебывает янтарную жидкость, обхватив высокий хрупкий стакан длинными загорелыми пальцами, и скользит глазами по залу. Похоже, он оценивает каждого, кто попадает в его поле зрения, я чувствую исходящий от него жар даже на расстоянии двадцати футов. У меня по спине бегают мурашки размером с болонку. Есть в нем какой-то первобытный животный магнетизм, который волнами распространяется

во все стороны. «*Я альфа-самец!* — кричит язык его тела. — *Отведайте меня!*» Я замечаю, как смотрят на него женщины; мужчины — и те обращают на него внимание. По ресторану уже порхает шепоток. Как занятно! Оказывается, у его программы много зрителей.

Его взгляд добирается до меня и, не останавливаясь, ползет дальше.

Я ни капельки не удивлена.

Я делаю шаг назад, в тень.

Черт с ним! У меня судорожно сжимаются пальцы. Я мечтала о милом зануде... а не о сексуальном звере!

Судя по его гримасе, он раздражен. *Жизнь слишком коротка, чтобы сердиться, мистер.* Чего он, собственно, бесится? Я здесь. Вот она я!

Грег, между прочим, видел мою фотографию, как утверждает Тофер.

Что, если на самом деле он не хочет с тобой встретиться? Вдруг надеется, что ты не придешь?

Я нетерпеливо переминаюсь с ноги на ногу. Пора уходить. Время вышло.

Дома меня ждет уйма дел. Кое-что зашить, пообниматься с Ромео...

По «Милано» витают завораживающие ароматы, мой желудок отзывается на них голодным урчанием. Все уже наверняка заметили застрявшую перед туалетом особу...

Представляю, что все рестораны, кафе, закусочные между Нэшвиллом и моим Дейзи забиты сейчас под завязку. Можно, конечно, купить что-то в «Макавто», но это так жалко и унизительно — биг-мак с жареной картошкой в День святого Валентина! К тому же завтра вся любопытная семейка замучает меня вопросами. Все они в восторге от этого свидания вслепую: «*Оооо, у Елены свидание с ведущим прогноза погоды! Спроси, но-*

Ильза Мэдден-Миллз

сит ли он в кармане барометр или это он просто так рад тебя видеть?» Эта жемчужина юмора — детище тети Клары. Если я сейчас струшу и сбегу, придется дорого за это заплатить: как я ни храбрюсь, всем известно, что я уже много месяцев сама не своя.

Я устраиваю себе мысленную выволочку.

Отрасти себе яйца, Елена. Нельзя провести всю жизнь на обочине.

Соберись, в конце концов, с силами и возьми то, чего тебе хочется.

Он такой горячий, что того и гляди испарит из розы всю росу. Подумаешь!

Он кажется опасным — подумаешь!

Ты голодна как волк. Вот и действуй — хотя бы ради пасты.

У тебя с ним свидание. Хватит мяться.

Я собираю все силы, разворачиваюсь на каблуках в сторону Грега и выхожу из тени.

2

Джек

.....

— *Вы* — это он, да? — Нервный смешок. — *Он самый?*

Я поднимаю глаза от стакана с виски и всматриваюсь в маленькую темно-рыжую женщину, выросшую передо мной в тот самый момент, когда я наконец-то собрался насладиться едой, чего чертовски трудно добиться, когда моя физиономия торчит на всех экранах. Вот и здесь все либо откровенно на меня тарашатся, либо по меньшей мере повернулись в мою сторону.

На ней застегнутая почти до самого подбородка блузка, узкая черная юбка, туфли на низком каблуке. Ну-ка, что у нее за личико? Заколотые на макушке волосы, очки в белой оправе. Только этого не хватало: очередная репортерша! Я сжимаю под столом кулаки и озираюсь. Куда запропастился официант? Я тяжело вздыхаю, откидываюсь на спинку кожаного кресла, сердито на нее гляжу. Отчасти нервничаю, отчасти негодую.

— Все верно, я — это он.

«*Какого дьявола тебе нужно?*» — читается у меня на лице.

Трепет темных ресниц на кремовой мордашке, попытка собраться с мыслями, гримаска, изображающая решимость. Она сглатывает и, не давая мне возразить, садится в кресло передо мной.

Теперь моргаю я.

Она шумно выдыхает.

— *Слава богу!* Вас выдал воротничок на пуговицах — и то, что вы один. — Девушка скользит глазами по моей груди, похоже, ее впечатляет размах моих плеч. — Рада, что нашла вас. Простите мое опоздание. У меня была фотосессия для Ромео — у него очень популярный Инстаграм, а главное, в центре Нэшвилла жуткие пробки!

Простить ее опоздание?

Фотосессия? Ромео? Где-то я слышал это имя... Новый игрок в Лиге?

— Ммм... — Чтобы скрыть замешательство, я снова прикладываюсь к виски, недоверчиво на нее поглядывая. Лоренс — он у меня за PR-менеджера — что-то говорил о спортивной блогерше, сочувствующей мне в связи с тем, что я в последнее время теряю популярность, и задумавшей изобразить меня в благоприятном свете.

Впрочем, ему отлично известно, что я не перевариваю репортеров.

Почему он меня не предупредил? Черт бы его побрал! Вечно он своевольничает, никогда ни во что меня не посвящает!

Позвонить ему, что ли, пусть доложит, кто она такая. Хотя...

— То есть вы — блогер? — спрашиваю я.

У нее расширяются глаза и бледнеет лицо.

— Да, я веду блог...

— Гм...

Она молча смотрит на меня, качает головой.

— Придется спустить с Тофера шкуру! Зачем он вам про это разболтал? А-а, поняла, он считает, что я должна всем об этом рассказывать. Никак не возьмет в толк, что такое маленький город, особенно наш Дейзи. Только попробуй выдать свои секреты — и все, увидев тебя на улице, будут вспоминать только их. А уж слухи... Боже упаси!

Я изучаю ее из-под полуприкрытых век, прикидывая, с кем имею дело. Никакого Тофера я не знаю. Зачем ей скрывать свой блог? Вдруг она не спортивная блогерша? Я привык к женским приставаниям, особенно к назойливым фанаткам. В прошлом, особенно в колледже и в первые годы выступления в профессиональном футболе, я это только приветствовал, выбирая самых красивых и принимая их предложения: ключи от гостиничных номеров, бумажки с номером телефона... Некоторые просачивались на наши профессиональные вечеринки. Нет, эта не из их числа. Платье не облегающее, макияж на минимуме, образ прилежной студентки.

А она продолжала тараторить:

— Хотите правду? Клара — это моя тетушка — выпроваживает своего бойфренда через черный ход, чтобы его никто не увидел. Он оставляет машину за церковью и тащится к ней пешком. Ей сорок, между прочим. Это чтобы ей не пришлось всем рассказывать, что у нее роман с почтальоном. — Она выгибает изящную бровь. — Скотти на десять лет моложе ее. Не мужчина, а находка.

— Понятно. — Оказывается, «Черная туфелька» разговорчива! И не обязательно на тему футбола.

Она слабо улыбается.